

Внебрачный сын

Автор:

[Адалин Черно](#)

Внебрачный сын

Адалин Черно

Второй шанс (Адалин Черно) #1

Шесть лет назад я уехала из страны, чтобы навсегда вычеркнуть его из своей жизни. Он растоптал мою гордость и прошелся по любящему сердцу, но оставил подарок в виде двух полосок на тесте.

Сейчас он – успешный пластический хирург. Карьерист без семьи и привязанностей, как всегда и мечтал. А я писательница, утратившая доверие к мужчинам и воспитывающая сына. Его сына.

Адалин Черно

Внебрачный сын

Глава 1

Оля

Я никогда не представляла нашу встречу. Мы физически не могли случайно пересечься или столкнуться в одном из магазинов торгового центра. Даже с учетом того, что последний месяц я провела в своем родном городе, это

казалось невозможным.

Но Новый год закончился сломанным носом и встречей с бывшим. Он оказался тем самым «лучшим хирургом-пластиком», которого вызвонили через полчаса после боя курантов.

Пока Измайлов, весь такой красивый и сосредоточенный, берет в руки мой лист поступления, я вдруг вспоминаю, как моя подруга однажды сказала:

«Мечтаю выйти из дорогого автомобиля и увидеть бывшего с веником в руках. Я пройду мимо, взглянув на него, как на пыль под ногами, а он... он с тоской посмотрит мне вслед».

Ни о какой тоске во взгляде Измайлова речи не идет. Хотя я вру. Где-то в глубине его взгляда она все же присутствует. Да и как не тосковать по новогоднему торжеству, от которого его бесцеремонно оторвали, чтобы осмотреть и зашить нос бывшей?

Прямо сейчас мне, словно маленькой девочке, хочется спрыгнуть с кушетки и, заверив доктора, что все в порядке, упорхнуть из кабинета. Ну или провалиться сквозь землю.

Самое ужасное, что всё то, что мне когда-то описывала подруга, могло стать реальностью. У меня есть дорогая машина, а Макар вполне мог быть на месте дворника. Шесть лет назад, когда мы с ним виделись в последний раз, у него за душой не было ни гроша.

И вот мы в одном кабинете. Я не могу посмотреть на него, как на пыль под ногами, потому что от его рук теперь зависит моя красота. Вместе с переломом у меня рассечение тканей, которое он должен зашить так, чтобы не осталось и следа. Приходится смотреть с уважением и надеждой. И с завистью, конечно, потому что Измайлов выглядит безупречно.

Для пластического хирурга внешний вид – основа успеха. Никто не доверит свою красоту человеку, который выглядит, как фото «до».

– Здравствуй, Оля.

Конечно, он узнал. Не по внешности, разумеется, по фамилии в листе поступления. Выгляжу я сейчас наверняка не очень. В зеркало посмотреть времени не было: боль, шок, звонок в скорую и срочная госпитализация, снимки. Я даже, дожидаясь врача в кабинете, не подумала о зеркале. Что там смотреть, если мой нос мельтешит перед глазами?

– Здравствуй, Макар.

Мы шесть лет не виделись, а он почти не изменился. Повзрослел, стал шире в плечах и возмужал. Не постарел ни на день, выглядит, будто сошел с обложки журнала. Возможно, конечно, пластика, но я же вижу, что нет. Черты лица остались прежними: тот же прямой нос с острым кончиком, те же глубоко посаженные глаза, густые брови, очерченные скулы и цепкий взгляд. Он и тогда-то был красивым настолько, что девушки за ним толпами бегали. А я утопала в тщеславии, видите, мол, выбрал меня, а не вас.

– Я задам несколько вопросов, постарайся ответить честно, – переходит на строгий профессиональный тон.

– Хорошо.

– Головокружение, тошнота, дезориентация, спутанность сознания?

– Тошнота немного, но это скорее от выпитого шампанского.

– Затрудненность носового дыхания, потеря обоняния?

Я тут же тяну носом.

– Есть.

– Снимки уже сделали, в течение пятнадцати минут они будут готовы. По рентгену у тебя перелом носа, КТ делали, чтобы убедиться, что кости черепа в порядке.

– Так долго? – растерянно спрашиваю.

Последний раз мне делали снимки год назад, но тогда я ждала результатов какие-то минуты, а сейчас прошло уже больше получаса.

– Новый год, – пожимает плечами Макар. – Даже ты вот нос умудрилась сломать, а не выглядишь искательницей приключений.

– Это случайность! – вспыхиваю. – Я на салюты выходила посмотреть и...

Замолкаю. Зачем я вообще рассказываю? Какая разница, как я получила перелом? Его дело – заштопать мой нос и лоб так, чтобы я не смотрела на себя с отвращением. Жена брата Стаса заверила, что знает лучшего хирурга и постарается уговорить его приехать. Конечно, я не стала отказываться. Это ведь мое лицо.

– Не расскажешь? У нас пятнадцать минут до снимков. Можем заполнить паузу разговором.

– С чего бы такое желание со мной поговорить?

– Сочувствие? – он пожимает плечами. – Я привык, что пациенты любят разговаривать, рассказывать что-то из своей жизни, например.

– Я не люблю.

– Можешь молчать.

– Что будет, если кости черепа не сломаны?

Измайлов едва заметно улыбается. Я обещала молчать, но продержалась не больше минуты. Я соврала. Я как раз из тех пациентов, которые любят разговаривать, но по большей части задавать вопросы о том, каким будет лечение, что ожидать от болезни и так далее.

– Операция. Вызову анестезиолога, сделаем наркоз. Пару дней побудешь под наблюдением и пойдешь домой. Придется еще походить на вправление носа, но это уже не ко мне. К тому врачу, который диагностировал тебе перелом и отправил на КТ.

– Хорошо. А шрамы... они будут заметны?

– Я не бог, Оля. Конечно, ты заметишь, что шили, но в глаза это бросаться не будет. Спустя время следы от вмешательства станут совсем незаметны. Косметология в этом плане шагнула далеко вперед.

Замечу, что шили. На моем теле и так слишком много шрамов после предыдущих операций. Тогда рядом не было того самого лучшего хирурга-пластика, который зашил бы меня так, чтобы почти не осталось следа.

А еще мой полет домой снова откладывается. Я должна была улететь за две недели до Нового года. Прилетела я в начале декабря, чтобы повидаться с братом и его детьми, а еще успеть побывать на девичнике и свадьбе подруги, которая совсем недавно променяла беззаботную жизнь в Штатах на идентичную, но уже в родной стране.

Вылететь мне не дали из-за долга, который скопился по налогу на автомобиль. Машину я продала больше семи лет назад, а долг там какой-то заоблачный. И ведь доказать ничего не смогла. Никто не выпустит из страны человека, у которого есть долги перед государством. Пришлось разбираться, но так как на носу праздники, я так ничего и не смогла добиться, а ближе к Новому году и вовсе решила успокоиться. Пройдут праздники – всё решу. Домой я не спешу, в деньгах не стеснена, работа у меня в моем стареньком макбуке.

Все казалось простым до момента госпитализации, но и это, оказывается, не весь ужас. Хуже то, что я сижу перед Макаром Измайловым. Человеком, который шесть лет назад разбил мне сердце и оставил подарок в виде двух полосок на тесте. Теперь я воспитываю его сына, а он дарит красоту людям и понятия не имеет, что в мире есть еще один человек с таким же аквамариновым цветом глаз.

Глава 2

– Что там, Мариша? Когда снимки будут готовы?

Голос Макара звучит немного устало. Он придерживает телефон плечом, а сам рассматривает мой рентгеновский снимок. Откладывает его в сторону, опускает голову и проводит по векам и переносице пальцами.

- Хорошо, понял. Ждем.

- Еще нет? - осторожно уточняю.

- Нет.

- Ты уверен, что сможешь оперировать?

Спрашивать такое у бывшего, конечно, неприятно, но будь на его месте любой другой хирург, я спросила бы то же самое. В час ночи первого января трезвыми остаются только язвенники и закодированные. Даже от дежурного врача, который меня осматривал, несло перегаром.

- Намекаешь, что я пришел на работу пьяным? - с усмешкой спрашивает Измайлов.

- Праздник ведь, а ты...

- А я выпил полбутылки вискаря, взял трубку, хотя знал, что звонят с работы, сел за руль и примчался сюда, сбивая по пути мусорки, как кегли. Протрезвел буквально перед кабинетом и надеюсь, когда буду штопать твой нос, рука не дрогнет.

Он говорит совершенно спокойно и внимательно меня рассматривает слегка прищуренными глазами. Под его пристальным взглядом вдруг становится неловко, и я отвожу взгляд. О чем я только думала? Разве выпившего врача допустят к работе? Я начинаю себя успокаивать, но вспоминаю того доктора в приемной. Он ведь работает. И наверняка оказывает первую помощь пациентам. А от него пахнет.

Измайлов поднимается с кресла и идет к двери. Я хочу позвать его и извиниться, но прикусываю язык. С чего бы мне просить прощения? Мой вопрос - не более чем обычное беспокойство о своем здоровье.

Громкий стук захлопнувшейся двери заставляет меня вздрогнуть. Я остаюсь в кабинете одна. Интересно, операцию можно перенести на завтра или обязательно шить сегодня?

Я чувствую себя измотанной и уставшей. До встречи с Измайловым я гнала от себя мысли о том, что все случившееся как бы мягко намекает на то, что мне стоит поскорее уехать обратно. Встреча с Макаром заставила меня в этом убедиться. Таких совпадений просто не бывает: огромные долги, невозможность покинуть страну, подарок, который так и не доставили к оговоренному времени. Мне пришлось купить сыну совсем другую игрушку буквально за несколько часов до Нового года. И, словно вишенка на торте, мой рассеченный лоб и сломанный нос.

Измайлов возвращается минут через пять в компании низкорослой, немного полноватой девушки. Она несет большой снимок. Видимо, готово мое КТ.

– Кости черепа у тебя в порядке, – сообщает Макар. – Однако подождать все равно придется. Моему анестезиологу ехать с дачи. Это минимум час по нашим кучугурам. Болит сильно?

– Не болит.

– Макар Игнатьевич, может, под местной? – подает голос девушка в халате.

Я о ней и забыла совсем, засмотревшись на моего хирурга-пластика. Вот почему жизнь такая несправедливая штука? Почему именно я – брошенная жертва – сейчас должна выглядеть, как побитая собака? А он – бездушная скотина – так красив, что взгляд отвести невозможно.

– Исключено, – отменяет ее предложение Макар, вызывая у меня выдох облегчения.

Я безумно боюсь боли, и стоит мне только представить, что шить будут без нормального наркоза, как хочется сбежать, так и не получив помощь.

– Ирина Юрьевна приедет не скоро, – пытается уговорить его девушка.

Она хмурится, будто не понимает причин его отказа. Когда Макар переводит на нее взгляд, медсестричка краснеет и отворачивается, кивая. Перечить больше не решается.

– Я буду через пару минут, обработай пока раны, чтобы не было инфекции.

– Так обрабатывали уже.

– Еще раз, Марина! – приказывает.

Мы с ней остаемся наедине. Она подходит к столу, берет вату и бутылочку с антисептиком и останавливается в шаге от меня.

– Будет немного пощипывать.

– Хорошо.

Едва удерживаюсь от вскрика, когда моих ран касается ватный диск. Жжет сильно, хотя мне обещали немного. Впиваюсь руками в кушетку, на которой сижу. Чтобы немного себя отвлечь, решаю завязать разговор.

– Макар – он... хороший врач?

– Макар Игнатьевич? – словно поправляет меня девушка. – Лучший из всех. А что? Переживаете?

– Немного, – признаюсь. – Праздники, знаете. Не хотелось бы стать жертвой выпившего хирурга.

– Макар Игнатьевич не пьет, – сухо говорит она. – По крайней мере, я ни разу не видела его пьяным, а он у нас, поверьте, на такие праздники постоянно приезжает. Единственный из всех готов оказать помощь в любую минуту.

– Ну знаете... то, что он держится на ногах, еще не означает, что не пьет.

Образ Макара шестилетней давности никак не совпадает с тем описанием, которое ему дает Марина. Готовый оказать помощь в любую минуту? Измайлов, которого я знала, мог без запинки полезть в драку, чтобы отстоять себя. Откуда такая самоотверженность?

– Глупости не говорите, – обрубает Марина. – И Макара Игнатьевича не вздумайте обижать расспросами. Он этого терпеть не может. Алкоголь во время работы у нас под строжайшим запретом. Если Макар Игнатьевич увидит – может дойти до увольнения.

Марина замолкает, выбрасывает ватку и закрывает бутылочку с антисептиком. Поворачивается ко мне и, понизив голос до шепота, говорит:

– Он сам, знаете, пострадал от рук некомпетентного и выпившего хирурга. Несколько лет назад...

Договорить ей не позволяет звук открываемой двери. Я вздрагиваю, Марина быстро шагает к столу и возвращает на место пузырек с раствором.

– Я закончила, Макар Игнатьевич.

– Хорошо, Мариш, можешь идти. Сообщи мне, когда Ирина приедет.

Марина украдкой бросает на меня взгляд и выходит из кабинета, оставляя нас наедине.

Глава 3

Некоторое время тишину в кабинете нарушает лишь звук работающих настенных часов. Измайлов что-то пишет, затем снимает блокировку с телефона и печатает на экране. Я замечаю это, когда украдкой на него поглядываю. Он ловит мой взгляд неожиданно. Поднимает голову и замечает, что я на него пялюсь.

Нервно улыбаюсь и отворачиваюсь, делая вид, что мне безумно интересна входная дверь. Где эта Ирина? Или хотя бы Марина. Сидеть с ним наедине невыносимо.

- Не думал, что ты вернешься, - неожиданно произносит Макар.

- Я не возвращалась, - жму плечами. - Я приехала увидеться с братом и к подруге на свадьбу. Так получилось, что мне пришлось остаться.

- Расскажешь?

- Это долгая история.

- Мы не торопимся. Мой анестезиолог только выехала, операционную еще не подготовили. Я готов послушать.

- Перед отъездом я продала машину, а когда попыталась улететь, мне предъявили налог. Полтора года назад я спокойно улетала домой, мне не предъявляли налоги, а тут... ошибка, видимо. На время разбирательства пришлось остаться, а теперь так вообще... непонятно, когда уеду.

- А говорила, долгая история, - усмехается Макар. - За минуту справилась.

Я непроизвольно улыбаюсь, а затем морщусь от резкой простреливающей боли. Мой стон, сигнализирующий о боли, эхом раздается в кабинете. Я прикрываю глаза и откидываюсь спиной назад, чтобы упереться в стену и не свалиться с кушетки. Меня словно парализует. Я с трудом переносу боль, так как мой болевой порог слишком низкий. Даже в кресло стоматолога я сажусь, предварительно договорившись о седации.

- Оля, - звучит совсем рядом. - Слышишь меня?

Слышать-то слышу, а пошевелиться не могу. Острая боль в носу понемногу отступает, но тело будто сковало тисками.

- Дыши, Оля. Вдох... - Макар делает паузу. - Выдох...

Я пытаюсь сконцентрироваться на его словах, повторяю. Паническую атаку, мою редкую спутницу, удастся подавить, но меня все еще штормит. Я всхлипываю, стараясь не морщиться, чтобы не спровоцировать боль снова.

- Твою мать, ежик... ты так и не справилась?

Я замираю, забывая, как дышать. Паническая атака подавлена, боли больше нет, зато есть растерянность. Я непонимающе вглядываюсь в обеспокоенное лицо Макара и чувствую, как тело покрывается мурашками.

- Я пойду, - говорю охрипшим голосом. - Прогуляюсь.

Хочу слезть с кушетки, но Макар не позволяет. Удерживает меня руками за плечи и не дает пошевелиться.

- Тебе нельзя ходить, - говорит он серьезно. - Ты только что едва с кушетки не упала. Хочешь разбить еще и голову? Или сломать руку?

- Мне надо! - повторяю. - Отпусти!

Ждать, пока он соизволит разжать пальцы, у меня нет сил. Я дергаюсь, Макар наконец убирает руки и отступает.

- Куда ты пойдешь, Оля? Коридор забит поступившими, врачей не хватает, а на улицу тебе точно нельзя. А если снова приступ? Я не могу тебя отпустить!

Я мотаю головой. Беру с кушетки свой пуховик, неуклюже натягиваю его на плечи и делаю шаг к двери, но натываюсь лишь на широкую мужскую спину. Макар проворачивает ключ и вытаскивает его из замка.

- Что ты делаешь?

- Пытаюсь удержать пациентку под присмотром, - серьезно говорит он. - Обычно этим занимаются санитары. Приходят, колют успокоительное и наблюдают, пока пациент не придет в норму.

Я непонимающе хлопаю глазами. Санитары? Успокоительное?

– У нас частенько истерики устраивают, – поясняет Макар. – Хирургия штука сложная. Люди поступают с самыми разными проблемами. Первое их чувство – шок. Оно длится от десяти минут до часа. Второе – молчаливое смирение, а третье – истерика. Последняя подавляется седативными, но я бы не хотел, чтобы тебе что-то кололи, поэтому придется потерпеть мое общество еще немного времени.

Удивительно, но его голос меня успокаивает, несмотря на то, что еще минуту назад мне хотелось уйти. Я вздыхаю и сажусь обратно на кушетку, стаскиваю пуховик и кладу его рядом.

– И почему же люди устраивают истерику?

– Не могут смириться с предстоящей операцией. Не верят в диагноз. Не хотят оперироваться, когда это необходимо.

– И что же, у вас тут мобильная бригада для таких случаев дежурит?

– Бывает, получается успокоить разговором, иногда сделать пациенту укол самому. В самых сложных случаях на помощь приходят наши парни.

– А меня ты, значит, им не отдал? – уточняю.

– С тобой я накосячил, – признается. – Простишь меня? Я не специально – вырвалось.

Я обнимаю себя руками. Как-никак между нами есть прошлое, которое просто так не забудешь. Его резкое «ежик» выбило меня из колеи, но сейчас я спокойно сижу и слушаю его уверенный голос. Шесть лет прошло, а он, оказывается, помнит, как меня называл. И я помню, хотя убеждала себя, что забыла. Переболела и выбросила из головы. Оказывается, не выбросила. И сердце в его присутствии бьется сильнее, хотя мы не виделись не один год.

– Все нормально, – пытаюсь убедить больше себя, чем его.

От дальнейшего разговора нас отвлекает стук в дверь. Я вздрагиваю, Измайлов идет открывать.

- Макар Игнатьевич, - в палату влетает Марина. - Там Ирина ваша звонила, говорит, вы не отвечаете. У нее приехать не получится. Машина заглохла, и она пешком домой возвращается.

- Кто еще есть?

- Демид Борисович только. Он единственный из всех ответил и вроде не пил.

- Вроде? Узнавай точно. Если пил - может не ехать. И остальным звони. У нас тут, мать его, срочная операция!

- Но... - Мариша замирает под жестким взглядом Макара и спорить не решается.

- Может... попробуем без наркоза? - подаю голос. - Если такая ситуация, то...

- Макар Игнатьевич, давайте, пациентка сама просит. Я ассистирую.

- Иди пока, Мариш. Обзвони всех еще раз. Я позову.

Марина закрывает дверь, но через секунду открывает дверь снова.

- Забыла, - говорит она. - Там это... парень пришел, - обращается уже ко мне. - Говорит, он ваш муж.

- Ты замужем? - удивляется Макар.

Я и сама в шоке. Утром, насколько я помню, была незамужней. Не могла же я забыть, что несвободна.

Глава 4

- Проходите, - говорит Марина моему «мужу» за дверь.

Через минуту в кабинет заходит Герман. Конечно, он мне не муж и даже не любовник. Подруга нас познакомила на свадьбе. Подмигнула мне, зараза, и оставила с ним наедине. Еще и прошептала на ухо что-то похожее на «развлекайся, он очень классный».

– Оля, – он безошибочно замечает меня на кушетке. – Мне Богдан позвонил, я сразу же приехал.

– Оставим вас, – говорит Макар, выталкивая из кабинета Марину.

Мы с Германом остаемся наедине. Я совершенно не знаю, как себя с ним вести. Все возможные способы отшить парня на нем я уже испробовала, но он все не отстает. Пытается обо мне заботиться, помогает, зовет в кафе и даже цветы дарит. Иногда сам, иногда заказывает курьерскую доставку.

– Что врачи говорят? – тут же наседают он, осматривая мое опухшее лицо.

– Перелом. Ждем анестезиолога, чтобы зашить рассеченную кожу.

– Может, что-то нужно? Деньги, лекарства, ускорить приезд этого анестезиолога?

Я не успеваю рот раскрыть, как Герман добавляет:

– Поговорю с врачом.

Остановить его я, конечно же, тоже не успеваю. Пока он говорит в коридоре с Макаром, я напоминаю себе обсудить ситуацию с Лерой и Богданом. Я не просила такой назойливой заботы о своей личной жизни. Звонить Герману и сообщать о моей беде не было никакой необходимости.

Обо мне есть кому позаботиться, к тому же я не хочу зря его обнадеживать. Он и так уже мысленно на мне женился, а я ни разу не ответила на его ухаживания, если не считать того поцелуя в его машине после свадьбы. Я была пьяненькая, а он – настойчив. Знала бы, что после этого он не отстанет, держала бы язык за зубами. Герман неплохой парень, но проблема именно в последнем. Он – парень, а я женщина. Он на четыре года меня младше, но дело даже не в этом.

Я не консервативна, допускаю возможность отношений с мужчиной младше. Все дело в том, что у Германа куда больше общих интересов с моим пятилетним сыном, чем со мной. Гера образован, умен, работает в продвинутой компании и зарабатывает немало. Но рядом с ним я чувствую себя старушкой. ИТ-сфера, конечно, накладывает отпечаток, но я почему-то уверена, что все дело во мне. Я не делаю ни единого шага навстречу, не считая злосчастного поцелуя в машине. Теперь только виню себя за несдержанность.

- Оля! - Герман вихрем врывается в кабинет. - Я обо всем договорился. Скоро тебя прооперируют.

Следом с серьезным выражением лица заходит Макар.

- Сожалею, но разрешить вам здесь находиться я не могу, - говорит Измайлов. - Прошу покинуть помещение.

- Я приду после операции, - сообщает Герман. - Буду ждать вестей в коридоре.

Как только за ним закрывается дверь, Измайлов подходит ко мне, достает из кармана сложенные вдвое купюры и протягивает их мне.

- Что это? - непонимающе смотрю на деньги в его руке.

- Деньги. Мальчик твой дал. Чтобы я повлиял на скорый приезд анестезиолога.

- Ты взял деньги?

Измайлов тяжело вздыхает, мотает головой.

- Иногда проще взять деньги, чем что-то объяснить. Отдашь ему после операции, пусть пока думает, что у него все под контролем.

Измайлов кладет деньги на кушетку, не дождавшись, пока я их возьму. Мне почему-то становится стыдно за действия Германа, хотя я понимаю, что он среди родственников пациентов такой не один. Увы, но наш менталитет неискореним. Мы всегда считали и будем считать еще долго, что деньги в этом мире открывают все двери.

- Он не мой муж, - зачем-то сообщаю Измайлову.

- Думаешь, я не понял? Ты, конечно, самостоятельная, и теперь тебе никто не диктует, с кем встречаться, но это, - он кивает на дверь, - перебор.

- Что значит перебор?! - восклицаю.

Герман и правда не подходит мне в мужья, но то, что Макар позволяет себе об этом сказать, тоже никуда не годится.

- Ты его переросла, - уже спокойнее произносит Измайлов. - Но мальчик думает иначе.

- Прекрати, - требую. - Иначе я подумаю, что ты ревнуешь.

- Это простое беспокойство, - равнодушно замечает Макар. - Прости, если перегнул.

От дальнейшего разговора нас отвлекает Марина. Она заходит в кабинет, толкая впереди тележку.

- Привезла все, как вы и просили, - сообщает с улыбкой.

- Вези в перевязочную, - Макар кивает на дверь слева, а затем внимательно смотрит на меня. - Вызвать анестезиолога не получится. Придется шить так.

Я сглатываю, сжимаю руки в замок и начинаю бегло осматривать глазами кабинет. Я плохо переношу уколы, не говоря уже о том, чтобы шить раны в сознании.

- Нет какой-нибудь седации? - спрашиваю с надеждой. - Я не выдержу... вот так...

- Придется, - Измайлов подходит ближе. - Постарайся об этом не думать. Ты практически ничего не почувствуешь, я взял лучшие обезболивающие, но если начнешь нервничать, ничего не получится. Просто успокойся, хорошо? Тебе не

будет больно, я сделаю все аккуратно.

- Ты уверен, что сможешь наложить аккуратные швы в... таких условиях?

- У меня нет цели тебя изуродовать. И общий наркоз тебе делать показаний нет. Послушай, Оля... по-хорошему, мне нельзя тебя зашивать. Стоит подождать другого врача и перепоручить тебя ему, но это будет не скоро, и лучше меня этого никто не сделает.

- Зачем другого врача? - непонимающе спрашиваю.

- Затем, что у меня с самого начала не получилось быть беспристрастным. У тебя нет показаний для общего наркоза и не было. Будь на твоём месте любой другой пациент, я бы ещё полчаса назад тебя зашил и уехал праздновать Новый год, невзирая на мольбы сделать все под наркозом. Но я вызвонил и отвлек свою коллегу, чтобы...

Измайлов замолкает и шумно выдыхает.

- Я не понимаю, - шепчу, хотя пазлы в голове начинают складываться.

- Что ты не понимаешь, Оля? Любой другой врач даже слушать тебя не стал, да и я не стал, будь на твоём месте незнакомая мне пациентка. Но передо мной ты, а я всё прекрасно помню. И знаю, что низкий болевой порог не проходит с возрастом. Как ты вообще перелом вытерпела?

Глава 5

- Как себя чувствуешь? - голос Макара звучит совсем рядом.

- Нормально.

Глаза открыть я не решаюсь, поэтому сосредотачиваюсь на ощущениях.

Вздрагиваю от брызгов чего-то холодного на мой лоб и жду, что начнет жечь, но

ничего подобного не происходит.

– Это обезболивающее, – поясняет Измайлов. – Так ты даже укола с анестезией не почувствуешь.

– Что, совсем?

– Почти.

Боли я совсем не чувствую. Когда через полчаса мне сообщают, что все закончилось, я удивленно распахиваю веки и встречаюсь взглядом с Макаром. Он смотрит на меня сверху вниз. Нижняя часть лица скрыта маской, но даже так я понимаю, что он улыбается.

– Полежи еще пару минут и можешь вставать. Мариша проводит тебя к мужу, – Измайлов подмигивает, а через мгновение встает со своего места и выходит из кабинета.

– Можете вставать, – сухо командует Марина. – Аккуратно, может закружиться голова.

Было бы неплохо помочь мне встать, но она этого, разумеется, не делает. Я сажусь на кушетке, Марина удовлетворенно кивает и указывает на дверь.

– Нам пора. Пациентов слишком много, а рук не хватает. Я выведу вас в коридор и побегу помогать остальным.

– Хорошо.

В коридор выходим вместе. Марина усаживает меня на стул у кабинета и тут же уходит, а я растерянно выглядываю Германа. Он сказал, что здесь ждать будет, но его нет. Испугался моего распухшего носа и сбежал?

Собираюсь позвонить Стасу, чтобы забрал меня из больницы, но не успеваю. Макар останавливается рядом со мной, смотрит внимательно:

– Идем, отвезу тебя домой. Мальчик твой уехал. Сказал, что ему срочно нужно, и попросил тебе передать, что сожалеет.

– Я брату позвоню, он меня заберет.

– Брось, Оля. Я домой, мне не сложно тебя подбросить.

Пока я думаю, неподалеку несколько выпивших мужчин начинают петь и поздравлять друг друга с новым годом.

– Оставаться здесь небезопасно, доктора нарасхват, медсестры тоже. За тобой просто некому будет присмотреть, пока брат едет. Идем.

Так и не получив от меня ответа, Измайлов разворачивается и идет к выходу, а группа мужчин запекает снова. Я поднимаюсь на ноги и быстро иду за Макаром. Я бы ни за что не согласилась, но лучше с ним в машине, чем остаться наедине с толпой мужиков навеселе.

О куртке я вспоминаю, лишь когда выхожу на улицу и попадаю под крупный снегопад. От неожиданности хватаю холодного воздуха и широко распахиваю глаза.

– Совсем сдурела идти раздетой? – слышу совсем рядом.

Макар забирает из моих рук куртку и быстро помогает мне одеться. Почти как шесть лет назад, он собирает полы куртки впереди меня, тянется к капюшону и прячет копну моих кудрявых волос. На мгновение мне кажется, что он присядет и вставит змейку в замочек, а затем потянет его вверх. Когда мы были вместе, я ни разу не застегивала верхнюю одежду сама. В этот раз Измайлов, естественно, этого не делает. Запахивает полы куртки и убирает руки, командуя:

– Пошли!

Его машина припаркована в нескольких метрах от клиники. Макар достает брелок, снимает блокировку и открывает для меня дверцу переднего сиденья. Я забираюсь в салон, а через минуту хлопает соседняя дверь. Измайлов сразу же включает обогреватель, заводит двигатель, и мы выкруливаем с парковки.

Через пару минут мне становится жарко, и я стаскиваю капюшон куртки с головы.

- Даже не спросишь адрес?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/cherno_adalin/vnebrachnyy-syn

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)